

A promotional image for the movie 'The Lost City' featuring three women in a jungle setting. The woman on the left has long red hair, the one in the middle has blonde hair, and the one on the right has dark hair with bangs. They are all wearing olive green tank tops and tactical gear. At the bottom of the image, there are bright orange and yellow flames.

Сергей Ребров

Шаг до финала:
шёпот джунглей

Сергей Ребров

Шаг до финала: шёпот джунглей.

<https://litres.ru/74684487>

SelfPub; 2026

Аннотация

История о том, как три совершенно разные девушки — философ Аксинья, лингвист Алина и певица Злата — встретились на кастинге реалити-шоу «TERRA INCOGNITA» и стали опорой друг другу в диких джунглях Южной Америки. Не зная о тайном покровительстве ведущего Германа — бывшего победителя шоу — они преодолевают заговоры соперников, ловушки природы и собственные страхи. Сквозь испытания крепнет их дружба, а каждый шаг к финалу даётся ценой трудных решений. В финале три героини стоят перед последним испытанием: победить — значит не только выжить, но и остаться верными себе и друг другу.

Сергей Ребров

Шаг до финала: шёпот джунглей.

Глава 1

Кастинг и самолёт. Начало.

«Природа здесь не декорация.

Она — первый судья, и не читает анкет».—

из путевых заметок

А. фон Гумбольдта, 1800 год

Здание продюсерского центра на севере Москвы пахло приторным латте, перегретым озоном от непрерывно плюющихся анкетами принтеров и липким, удушливым чужим волнением. В этот промозглый день коридоры напоминали пересыльный пункт, где в нервном полумраке толкалось больше сотни человек. Здесь были фактурные мужчины с пустыми глазами, готовые на камеру есть живых скорпионов, лишь бы получить заветный хронометраж; истощённые надеждой женщины, твердившие как мантру фразу «я просто хочу изменить свою жизнь», словно этот банальный пароль мог вырезать им пропуск в параллельную реальность; и профессиональные спортсмены, чеканившие заученные репли-

ки о преодолении себя — их голоса звучали картонно, как плохой дубляж. Шёл финальный общий кастинг нового сезона экстремального реалити-шоу «TERRA INCOGNITA». Ставки были предельны: 16 вакантных мест, 33 дня в глухих, не нанесенных на туристические карты джунглях Южной Америки, один главный приз и объектив камеры, которая никогда не засыпает.

Алина Пинчук приехала на этот индустриальный конвейер в третий раз. Первые два кастинга закончились для неё глухим, безжалостным вычеркиванием из списков. В позапрошлом году её забраковали на первом же этапе из-за антропометрии: резюме снабдили лаконичным вердиктом: *«Слишком маленькая, потеряется в массовке, не будет читаться на общих планах»*. В прошлом сезоне срезали тоньше — за психотип. Штатный мозгоправ телеканала размашисто написал в заключении: *«Избыточный уровень эмпатии. Слишком добрая, сломается на второй неделе под прессингом коллектива. Будет жалко смотреть, формат требует агрессии»*. Алина прочитала этот приговор случайно, ассистент забыл планшет на пластиковом стуле в коридоре, а она, обладая маниакальной привычкой сканировать взглядом любой текст на любом доступном языке, впитала строчки за секунду. Вместо того чтобы послушно забиться в угол и разрыдаться от жалости к себе, девушка тогда зашлась беззвучными слезами бешеной, концентрированной злости. Никто из этих сытых людей в худи оверсайз даже не попытался узнать,

каков предел её прочности.

А предел ковался в условиях, далеких от телевизионных декораций. Полтора года назад её мать, первоклассный специалист по романской филологии, соблазнилась тяжелым, но невероятно денежным контрактом и уехала на вахту линейным переводчиком в Латинскую Америку. Сначала всё шло штатно: редкие отчёты о работе, фотографии колониальной архитектуры, деньги, позволявшие Алине не думать о подработках по ночам. Потом наступили три месяца мёртвой, звенящей тишины. А затем глухой полуночный звонок из консульства. На раскисшей от ливней горной дороге где-то на границе Колумбии и Венесуэлы тяжелый внедорожник местного чиновника буквально сдул их хлипкий микроавтобус в глубокий кювет. Мать выжила чудом, но сложный перелом позвоночника приковал её к больничной койке в закрытой частной клинике Каракаса. Счёт за поддержание жизни рос с каждым часом, опережая подъем воды в Ориноко во время затяжных дождей. Лимит страховки сгорел за первую неделю. В Москве у Алины оставались лишь крошечная ипотечная квартира на окраине, скудная студенческая стипендия и лингвистический гений — к своим двадцати двум годам она знала восемь языков. Испанский и португальский были для неё практически родными, на них она думала, когда засыпала. Главный приз шоу «TERRA INCOGNITA» до копейки покрывал стоимость сложнейшей нейрохирургической операции и последующего года реабилитации. Девуш-

ке не нужны были слава, рекламные контракты или галочка верификации в соцсетях. Ей нужно было, чтобы мама снова смогла ходить.

И была ещё одна, глубоко запрятанная причина, о которой Алина не решилась бы рассказать даже под дулом пистолета. Ей отчаянно, до дрожи в суставах нужно было доказать самой себе: если пройдёт через этот адский серпентарий, если выживет под прицелом сотен линз среди грязи, предательства и подстав, но сохранит человеческое лицо и не превратится в хищника, значит, мир устроен правильно. Значит, человек человеку все-таки может быть братом. Особенно когда вокруг по колено ядовитой жижи.

В душном коридоре продержали ровно четыре часа. За это время Алина, не сходя с места, успела расшифровать и заучить наизусть все служебные расписания съемочных павильонов на стене, изучить структуру пропусков на этаже и даже разобрать зеркальный почерк хмурого ассистента, который нервно делал пометки в блокноте. Свою анкету из чистого упрямства и подступающей к горлу тошноты она заполнила сразу на трех языках — русском, испанском и португальском, превращая каждый лишний хвостик буквы в безмолвный манифест своего права здесь находиться.

Когда её имя наконец выкрикнули, Алина шагнула в комнату для собеседований. Внутри пахло кондиционированным холодом и стерильной пустотой, как в операционной перед объявлением безнадежного диагноза. За широким сто-

лом сидела ведущая продюсер кастинга, женщина с хищным лицом и безупречным неоновым маникюром. Она лениво перелистывала тонкое досье Пинчук, мерно, со щелчками жуя мятную резинку. Этот звук в замкнутом пространстве напоминал сухой стук затвора.

— Лингвистический институт... переводчица... — продюсер медленно подняла тяжелый взгляд, словно пытаясь сопоставить строчки в бланке с хрупкой фигуркой перед собой. — Девушка, вы вообще понимаете, куда рветесь? Там нет переводчиков. Там нет туалетов, бутилированной воды и ортопедических матрасов. Вас там сожрут. Соплеменники возненавидят вас просто за то, что вы тратите общий кислород. Зачем вам этот суицид?

Кондиционер над головой внезапно захлебнулся и выдал порцию горячего, застоявшегося воздуха. Алина почувствовала, как между лопаток поползла ледяная капля пота, но лицо осталось неподвижным, словно высеченным из мрамора. При росте метр пятьдесят пять она умудрялась смотреть на сидевшую за столом женщину сверху вниз. В карих глазах отражался холодный свет студийных ламп. Она не стала говорить про маму — такие волки питаются чужой слабостью. Пинчук перевела игру на их территорию.

Слова, которые Алина сотни раз прокручивала в голове на эскалаторах метро, прозвучали как удар хлыста:

— В джунглях Южной Америки говорят на испанском и португальском. Я знаю оба языка в совершенстве, включая

локальные диалекты и воровское аргю. Если хоть один местный проводник решит отравить ваш лагерь или скрыть тропу, я узнаю об этом первой. Если хоть один участник попытается заключить тайный союз за спиной камер, я услышу его шепот сквозь листву. Вы ищете мясо для рейтинга, а вам нужен тот, кто умеет читать чужие мысли. Нам по пути.

Продюсер на секунду замерла. Жевательная резинка перестала щелкать. В глазах телевизионщицы промелькнуло нечто, похожее на профессиональный азарт охотника, наткнувшегося на редкого зверя. Она с сухим стуком закрыла пластиковую папку и размашисто поставила жирную галочку в углу листа.

Ниже, прижимая ручку к бумаге так, что та едва не порвалась, она быстро набросала для режиссера монтажа: «Лингвист в джунглях — идеальный *детонатор* для шоу. И огромный геморрой для нас: эта пигалица слышит вообще всё».

Коридор третьего этажа напоминал чистилище, где выносились приговоры человеческому тщеславию. Алина Пинчук стояла у серой стены, прижимая к груди потрёпанную сумку, в которой лежал толковый словарь испанских идиом. Внутри неё все еще вибрировал жирный росчерк ручки кастинг-директора, но триумфа не было, лишь ощущение первого шага в бездну.

В этот момент тяжелая дубовая дверь в конце галереи со скрипом отворилась. Из неё вышла девушка.

Она двигалась иначе, чем вся эта разношерстная толпа,

жаждущая секундной славы. Высокая, не менее 178 см, с безупречно прямой, почти академической осанкой и тугим, строгим узлом тёмных волос на затылке. В руке она сжимала толстый блокнот в кожаном переплете. Когда поравнялась с Алиной, их взгляды пересеклись.

Это длилось не больше секунды, но время словно замедлило свой ход. Алина скользнула глазами по её острому, точно высеченному из бледного камня лицу, по холодным серым глазам, в которых не было и следа привычной для этого места суеты. «Страшная, — промелькнуло в голове у Алины, и тут же включился внутренний лингвист: — Нет, не так. Бескомпромиссная. Опасная».

Аксинья Жданникова тоже замедлила шаг. Она увидела маленькую, чуть больше полутора метров, девчонку с расчёпанной русой чёлкой и карими, слишком живыми глазами. Из-под напускного спокойствия этой пигалицы пробивалась странная, почти детская улыбка, обращенная ко всему миру сразу. «Улыбается всем подряд, — зафиксировал холодный ум Аксиньи. — Либо дура, готовая разбиться о первые же трудности, либо профессиональная хищница, маскирующая зубы. Надо держаться дальше».

Девушки прошли мимо друг друга, не проронив ни звука. Шаги Аксиньи чёткие, размеренные, как удары метронома. Шаги Алины лёгкие, рваные. Это было их первое свидание — мельком, без имен, навсегда.

Аксинья оказалась здесь не по своей воле. Всего три неде-

ли назад мир рухнул, оставив после себя лишь горький пепел и звенящую тишину в пустой комнате.

На защите курсовой по социальной философии профессор Вейс, близоруко щурясь сквозь круглые очки, долго листал её безупречную работу. Потом поднял глаза на аудиторию:

— Аксинья Львовна, вы блестяще, просто образцово рассуждаете об этике голодающих и деградации моральных институтов в условиях изоляции. Мне это, знаете ли, живо напоминает одно новое реалити-шоу в джунглях, о котором сейчас трубят на каждом углу. «Терра» как-то там... Не хотите проверить свои кабинетные теории на практике?

По аудитории прокатился покладистый студенческий смех. Аксинья не улыбнулась. Её лицо оставалось непроницаемой маской. Она лишь молча открыла блокнот и записала название: «TERRA INCOGNITA». Как рабочую гипотезу.

Но пришла Жданникова на кастинг не из-за академического вызова. Младший брат Тимка умер три недели назад. Ему было семнадцать. Девять месяцев химиотерапии, белых стен, запаха физраствора и угасающей жизни. Аксинья бросила аспирантуру, заперла свои амбиции в ящик стола и сидела с ним каждую ночь, потому что родители ломались на трёх работах, чтобы оплатить счета, и физически не могли находиться в палате. Тимка ушел в четыре утра, когда за окном только брезжил серый московский рассвет. Его ладонь,

тонкая и сухая, вдруг слабо сжала её пальцы.

— Сень... — прошептал он, глядя в потолок огромными, уже неземными глазами. — А ты... ты теперь будешь жить? Или как все эти... просто делать вид?

Аксинья не успела ответить. Линия на мониторе выпрямилась со звуком, который до сих пор снился каждую ночь.

С тех пор философия умерла для неё. Красивые слова о «подлинном существовании» Хайдеггера казались дешевой мишурой. Джунгли обещали то, чего не мог дать ни один университет — абсолютное, первобытное обнажение сути. Девушке не нужны были рейтинги, подписчики или призовые миллионы. Ей нужно было узнать: останется ли внутри хоть что-то человеческое, когда исчезнут еда, сон, безопасность и базовая вежливость цивилизованного мира. Останется ли она сама?

В комнате для собеседований кастинг-оператор, устало потирая переносицу, задал дежурный вопрос:

— Зачем вы пришли на проект, Аксинья? Что вас мотивирует?

Камера на штативе мягко жужжала, фиксируя затянувшуюся паузу. Обычно кандидаты начинали судорожно заполнять пустоту тишины банальностями. Аксинья смотрела прямо в объектив. В её серых глазах отражался красный огонёк записи.

— Я потеряла человека, — тихо, но удивительно твердо произнесла девушка. — И чувствую, что теряю себя следом. Мне нужно место, где физически невозможно притворяться. Где любая маска сгниёт в первый же день.

В наушнике оператора раздался хриплый, прокуренный голос генерального продюсера из аппаратной: «Её. Берём её немедленно. Это чистая драма».

На том же третьем этаже была глухая дверь с лаконичной табличкой «НЕ СЪЁМКА». Сюда не пускали общий поток. Сюда не заглядывали ассистенты с анкетами. В этой комнате решались вопросы, которые меняли производственную смету проекта в разы.

Злата Светикова пришла туда инкогнито. Огромное худое оверсайз, капюшон, надвинутый до самого носа, тёмные очки в пол-лица и густая челка. В графе «Имя» в анкете значилось сухое: «Злата С., без медиа-поддержки». Продюсеры обнаружили подвох лишь через сутки, когда музыкальный редактор случайно прослушал её голосовое демо и чуть не подавился кофе — этот хриловатый, чувственный альт с лёгкой хрипотцой звучал сейчас из каждого смартфона страны. Это был грандиозный скандал внутри отдела кастинга. Глава департамента орал так, что дрожали стекла: «Вы просмотрели артиста первого эшелона! Нарушение правил набора!» Её хотели вышвырнуть из списков.

Но Злата знала, зачем пришла. Восемьсот тысяч подпис-

чиков в социальных сетях, платиновые синглы и заполненные клубы принесли ей всё, кроме свободы. Двенадцать месяцев назад Светикова подписала кабальный контракт с мейджор-лейблом. Семь лет рабства. Каждая её строчка, каждая мелодия, напетая в диктофон в три часа ночи, по документам принадлежали чужим дядям в дорогих костюмах. Навязывали чужие тексты, конвейерные биты и твердили: «Пой проще, Злата. Аудитория — дура, ей не нужны твои метания. Давай танцевальный хит».

Светикова хотела писать о настоящем, о том, как задыхаешься от одиночества, когда на тебя смотрят тысячи глаз, но никто не видит тебя саму. Лейбл выставил ультиматум: либо она выпускает альбом по их шаблону, либо её творчество «замораживают» на три года. А три года молчания для поп-артиста — это гражданская казнь.

Контракт на участие в реалити-шоу «TERRA INCOGNITA» стал единственной, ювелирно просчитанной лазейкой. Юристы лейбла, прописывая пункты о запрете на стороннюю деятельность, просто не учли экстремальное телевидение. Три месяца в глухих джунглях Амазонки означали полную изоляцию от студий и графиков. Злата ломала им таймлайн релиза, выбивала почву из-под ног и получала юридическое право на пересмотр условий.

И была ещё одна причина, о которой знал только менеджер и единственный друг Костя. Злата задыхалась. Физически. Перед каждым выходом на сцену её накрывали жесто-

чайшие панические атаки. Пульс улетал за сто сорок, лёгкие отказывались принимать воздух, а перед глазами плыли кровавые круги. Певица возненавидела толпу, которая любила её глянцевую картинку. Девушке нужно было проверить: существует ли Злата без микрофона, софитов и тонны косметики? Осталось ли что-то от девочки, которая когда-то писала песни на старой акустической гитаре в подмосковной хрущевке?

Продюсер в комнате «НЕ СЪЁМКА» начал разговор с неприкрытого давления:

— Ты вообще соображаешь, что делаешь, Светикова?! За твоей спиной армия в миллион человек! Мы не сможем спрятать тебя в кадре, тебя узнают в первые же секунды эфира! Юристы твоего лейбла нас в судах сгноят!

Злата медленным, вызывающим движением сняла тёмные очки. На продюсера уставились упрямые, слегка воспаленные карие глаза. Смуглое лицо было бледным, но челюсть сжата до желваков.

— Мои люди подождут, — отрезала певица, и её голос прозвучал на удивление низко и веско. — А юристы... пусть попробуют вручить мне повестку посреди сельвы. До встречи на площадке.

Когда Злата выходила из продюсерского центра через чёрный ход, у ворот уже дежурили папарацци. Вспышка, ещё од-

на. Через час таблоиды взорвались заголовками: «СЕНСАЦИЯ: ЗЛАТА СВЕТИКОВА БРОСАЕТ СЦЕНУ И УХОДИТ В ДЖУНГЛИ». Инвесторы лейбла рвали на себе волосы, адвокаты потирали руки, а Злата, приехав на съемную квартиру, впервые за последний год выключила телефон и уснула без снотворного.

Через неделю, когда над Москвой зависло тяжёлое, свинцовое небо поздней осени, на три разных адреса пришли три абсолютно идентичных конверта из плотной крафтовой бумаги с сургучной печатью проекта. Внутри лежал билет в один конец до Каракаса и лаконичный бланк: «Вы зачислены в финальный состав. Количество участников: 16. Ваше имя в списке».

Каждая приняла этот вызов по-своему. Аксинья Жданникова молча развела огонь в камине родительского дома, бросила взгляд на письмо, а затем открыла свой блокнот. На чистой странице её аккуратным, бисерным подчерком появилась запись: «Эксперимент официально начат. Объект исследования: человеческая природа в условиях экстремальной деструкции. Подопытная — я». Алина Пинчук стояла в уличной телефонной будке неподалеку от института. Накрапывал холодный дождь, капли стучали по стеклу, а она судорожно прижимала к уху ледяную трубку автомата, казалось, что домашний телефон могут прослушивать продюсеры.

— Мам... Мамочка, привет, — Алина изо всех сил прику-

сила губу, чтобы не разрыдаться, слыша слабый, далекий голос матери на другом конце провода, пробивающийся сквозь помехи трансатлантической связи. — Всё получилось. Я лечу. Слышишь? Контракт подписан, деньги будут. Ты только держись там, родная. Я приеду и заберу тебя. Обещаю.

Злата Светикова сидела на подоконнике своей пустой квартиры, глядя на расстилающийся внизу ночной мегаполис, который больше не имел над ней власти. Она держала в руках лист бумаги с печатью и вдруг поймала себя на странном ощущении: пульс, обычно метавшийся как сумасшедший, сейчас был ровным и спокойным — шестьдесят пять ударов в минуту. Впервые за два года клетка открылась.

Огромный Боинг, летевший ломаным трансатлантическим маршрутом Москва — Каракас, мерно гудел, разрезая ночную облачность над Атлантикой. В салоне бизнес-класса, выкупленном продюсерами «TERRA INCOGNITA» под завязку, пахло стерильным пластиком, дорогой обшивкой кресел и тем самым удушливым, концентрированным ожиданием, которое всегда предшествует большой катастрофе. Четырнадцать часов в воздухе. Четырнадцать часов искусственного климата, стюардесс с заученными пластиковыми улыбками и чужих коленей, которые то и дело задевали друг друга при малейшем движении в проходе. Для шестнадцати избранных этот полёт был последним глотком комфорта перед тем, как их пересадят на дребезжащий двухмоторный

самолётик местных авиалиний. Тот самый, который унесёт их вглубь континента, туда, где карты теряют названия, спутниковая связь сбоит, а сельва лениво пережевывает человеческие амбиции.

Обычный регулярный рейс тянулся бы серой полудрёмой, если бы кто-то в третьем ряду не обернулся и не разглядел человека, сидевшего в кресле 4А.

— Это же он... — отчётливый, испуганный шёпот прорезал низкий гул турбин. — Герман Зимородков! Из прошлого сезона!

Салон мгновенно ожил, точно по щёлчку режиссерского пульта. Сонливость испарилась. Люди вытягивали шеи, вглядываясь в фигуру у иллюминатора. Прошлый сезон экстремального шоу смотрели абсолютно все. Страна помнила, как этот человек прошел через ад удушающей жары и ливней, с каждым днём становясь не слабее, а монолитнее, собраннее. Помнила, как он, рискуя жизнью, вытащил на скользком глиняном обрыве сорвавшуюся Лилу, как делил свою мизерную горсть риса со всеми, даже с теми, кто за пару часов до этого голосовал против него на совете. В финале, шагая по скользким канатам над чёрной пропастью, Зимородков шёл шаг за шагом, победив панический страх высоты. А выиграв главный приз, Герман не ушел в шоу-бизнес. Он открыл небольшой скромный офис, где его сотрудники помогали обычным людям, столкнувшимся со сложными жизненными обстоятельствами, ремонтировать старые дома и квартиры. О Зи-

мородкове говорили как о символе тихого, нестигаемого мужества. О человеке, который в диких условиях остался человеком.

Кто-то судорожно потянулся к карману за телефоном, но тут же вспомнил, что все гаджеты опечатаны и сданы в Шереметьево, и разочарованно опустил руку.

Герман сидел неподвижно. Невысокий, широкоплечий, в простой серой толстовке. Заметная седая прядь над слишком молодым, обветренным лицом резко контрастировала с его взглядом — спокойным, глубоким и очень неудобным для тех, кто привык лгать. В этом сезоне Зимородков летел не как боец. Продюсеры сделали его ведущим, но с жестким условием: по старой традиции проекта он обязан был лететь вместе с участниками. «Ведущий «Терры» должен быть не сверху, над процессом, а рядом с людьми. Пройди с ними этот транзит, Герман», — заявили в дирекции.

Рассадка в салоне происходила в суматохе, и то, что место 4В заняла именно Алина Пинчук, было чистой случайностью. Герман не знал её. На кастингах он не присутствовал, личные дела участников не изучал — продюсеры берегли эффект «первого знакомства» для камер в базовом лагере. Для него Пинчук была просто одной из шестнадцати: маленькая, хрупкая, в нелепой растянутой кофте, с рассыпью веснушек на носу и растрёпанной чёлкой.

Почти сразу после взлета девчонка уткнулась в толстый блокнот. Герман краем глаза, с профессиональным любо-

пытством охотника, наблюдал за ней. Её тонкие пальцы быстро исписывали страницу за страницей. Зимородков присмотрелся и удивленно приподнял брови. Девчонка переводила предупреждающие надписи с подушки безопасности. Сначала с английского на португальский. Затем пере-страивала фразу на испанский. А следом, сверяясь с какими-то своими заметками, переводила на ломаный, угловатый кечуа. В какой-то момент Алина замерла, почувствовав на себе его тяжелый взгляд. Девушка медленно повернула голову, встретилась с ним глазами и мгновенно покраснела до самых корней волос. Захлопнув блокнот, точно её поймали на краже, она тихо, смущённо пробормотала:

— Простите... Я знаю, кто вы. Извините, что уставилась. Герман едва заметно улыбнулся, не меняя позы:

— Записи интересные. Зачем вам кечуа в Каракасе? Там в основном испаноязычные диалекты.

— Я... я просто практикуюсь, чтобы успокоиться, — Алина судорожно сжала ладони на коленях. Сердце в её груди колотилось как безумное. — Я пересматривала ваш финал три раза, Герман. Последний раз — три недели назад, в больнице. Когда мама...

Она резко осеклась. Поняла, что сболтнула лишнее, нарушив невидимую границу между безликим участником и легендой проекта. На глаза навернулись непрошеные слёзы

злости на самую себя.

— Не надо. Извините. Я не должна вам это рассказывать. Это не ваше дело.

— Должна, — мягко, но с той непреклонной силой, которая заставляла людей подчиняться ему на испытаниях, произнёс Зимородков. Он развернулся к ней всем корпусом. — Раз уж начала — рассказывай. До Каракаса ещё долго.

И Алина, сама не понимая почему, сорвалась. Вполголо-са, под мерный шум кондиционера, выложила ему всё: про мать, раскисшую горную дорогу под Венесуэлой, страшный диагноз, счета частной клиники, которые высасывали из неё последние силы, про два унижительных отказа на прошлых кастингах и прочерк психолога: «слишком добрая, сломается». Герман слушал. Он не перебивал её ни разу, не вставлял дежурных слов сочувствия. Но его лицо постепенно менялось. Глаза сузились, челюсть сжалась, а на лбу обозначилась глубокая складка, так меняется лицо опытного хирурга, когда он по косвенным симптомам внезапно понимает истинный, смертельно опасный диагноз пациента. Герман слишком хорошо знал эту изнанку. Знал, как продюсеры подбирают «жертвенных ягнят» для рейтинга.

Когда Алина выдохлась и замолчала, глядя на свои побелевшие пальцы, Герман долго смотрел перед собой. Потом произнес фразу — тихо, почти на автомате, словно это была истина, выжженная внутри него самого за годы общения с

телевизионной машиной:

— Если тебя здесь назовут слабой — знай: слабых в эту игру не берут. Никогда. Их берут только для одного, чтобы они красиво, с брызгами, разбились на глазах у миллионов. Но они забывают, что стекло иногда оказывается бронированным.

Алина подняла на него широко раскрытые, влажные глаза. В этот момент в её маленькой, измученной страхом вселенной что-то со щелчком встало на место. Она запомнила эти слова на всю жизнь.

Через проход от них, в кресле 4D, сидела Злата. И её соседство с ведущим уже не было случайностью. Схему рассадки Зимородков лично проверил и утвердил ещё в Москве, в кабинете генерального продюсера. Но подойти к ней первым он не имел права. Игра ещё не началась, правила строго запрещали ведущему выделять кого-то из участников, создавать видимость фаворитизма или давать подсказки. Поэтому они просто встречались взглядами. Слишком часто. Дольше, чем позволяли приличия.

При каждом резком толчке турбулентности, когда самолёт проваливался в воздушные ямы, при каждой монотонной раздаче пластиковых подносов с едой, Герман смотрел налево. Злата вела себя странно. Она упорно не снимала глубокий капюшон худи, буквально пряча лицо от редких взглядов стюардесс. Её пальцы мелко дрожали, когда огрызком

карандаша рисовала хаотичные, рваные нотные знаки прямо на бумажных салфетках. Пару раз за полёт, когда салон погружался в темноту, она резко вставала, прижималась спиной к перегородке у аварийного выхода и начинала отжиматься, пытаясь физической нагрузкой сбить подступающий к горлу удушливый ком паники, пока её пульс в очередной раз штурмовал отметку в сто сорок ударов.

Герман знал Светикову только с экранов телевизоров. Прошлым летом, уезжая в глухую экспедицию, он крутил в машине её треки, не думая, что эта девочка когда-нибудь окажется в его игре. В игре, где человеческая психика перемалывается в труху.

На восьмом часу полета солнце лениво легло на левое крыло Боинга, окрасив горизонт в багрово-золотые тона. Большинство участников, измотанных стрессом и разницей во времени, наконец уснули. В салоне воцарилась полумрачная, звенящая тишина. Злата повернулась к нему. Капюшон сполз, обнажив бледное, смуглое лицо и упрямую тёмную чёлку. Карие глаза смотрели на Германа с тихой, почти животной мольбой.

— Можно к вам пересесть? — негромко, едва слышно спросила она через проход. — Там... тихо не получается. Воздуха не хватает. Дыхание перехватывает.

Герман молча кивнул и освободил соседнее кресло, на котором только что сидела задремавшая Алина, ушедшая чуть

раньше в хвост салона к свободной стойке с водой.

Злата пересела. Она устроилась в кресле, поджав под себя ноги, и уставилась в иллюминатор, где внизу расстилалась бесконечная чёрная бездна океана. И здесь, на высоте одиннадцати тысяч метров, певица впервые за три долгих года заговорила с человеком, который видел в ней человека, а не поп-икону «Злату Светикову».

— Знаете, что самое страшное в популярности, Герман? — голос слегка вибрировал. — В какой-то момент ты начинаешь панически бояться быть никем. Пустотой. Тебя обвешивают чужими ожиданиями, как новогоднюю елку, а внутри — ничего. А здесь... здесь у нас забрали телефоны. Я впервые за три года не знаю, что обо мне пишут, кто меня любит, а кто ненавидит. Я не знаю, кто я. И это... Господи, это так правильно. И так жутко.

Герман долго молчал. Он выигрывал в эту игру. Знал её изнутри, знал каждый скрытый капкан, каждую подлость, которую режиссеры готовят для этих шестнадцати душ. Зимородков знал, что делает сельва с сытыми, изнеженными городскими жителями. И понимал: Злату с её тонкой, содранной кожей продюсеры будут ломать с особым, извращенным удовольствием. Из неё будут выжимать слёзы и истерики ради заветных долей эфира.

«Если её начнут ломать здесь... если они перейдут черту — я не позволю», — подумал Герман, глядя на тонкий профиль в отражении двойного стекла. Но вслух он не сказал

ничего. Игра уже приняла их на свой борт.